

Стефания
ДАНИЛОВА

Неудержимость

Стефания
ДАНИЛОВА

Неудержимость

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Д18

Данилова, Стефания

Д18 Неудержимолость / Стефания Данилова. – Москва: Издательство АСТ, 2015. – 192 с. – (Поэзия. ру)

ISBN 978-5-17-090211-8

Имя Стефании Даниловой (Стэф) — это, безусловно, бренд. Бренд, который не стыдно носить в памяти. Следующая за «Веснадцать» восьмая книга «Неудержимолость» — трансформация автора из эпатажной «анфан террибль» в человека-беспредел, не имеющего возраста. Пожалуй, нет того, чего бы Стэф не могла превратить в текст, если бы действительно захотела.

После прочтения «Неудержимолости» не покидает ощущение, что вы попали в дом человека, которого знаете вечным жизнерадостным стахановцем, держащим лицо и удары, для которого, казалось бы, нет ничего невозможного. А внутри — испытательный полигон, мастерская скульптора, часовой механизм, химическая лаборатория и живой человек в одном лице. Вглядываясь в его лицо, вы с удивлением узнаете себя, живого и напуганного всем тем, в чём вы сами себе боитесь признаться.

Настало время открыть глаза. Или эту книгу.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-090211-8

© Стефания Данилова, текст
© ООО «Издательство АСТ»

Я бы хотела посвятить эту книгу:

*Маме
Саше Кит
Ми Минор
Лукомке
Светотье
Веронике
Вале*

за неудержимость в них самих

ПОЭТИЧЕСКИЙ ШИЗОФРЕНИК

А они дискутируют, снова меня ругая:
«Почему ты вчера была громче, сегодня тише?
Почему ты сегодня — одна, а вчера другая?
Это кто-то вместо тебя говорит и пишет?»

Мой диагноз — поэтический шизофреник.
Я не знаю, какое из альтер-эго завтра
вдруг откроет глаза.
И первым из озарений
для него станет то,
что оно — это тоже автор,

говорить из меня — это все, что оно умеет.
Ваше дело считать его правым или неправым.

И оно говорит, пока всё во мне немеет.
И оно как никто имеет на это право.

Пусть одна будет грубой, другая поёт помягче.
Третий влюбит в себя обеих случайных встречных.
В этом хоре нет голоса, который бы был обманчив.
Об актёрстве и лжи не может здесь быть и речи.

Каждой твари по паре; я — Ной своего ковчега:
каждой твари по голосу собственному и стилю.
Звукореж негодует на сорванном саундчеке,
но уже и его сомнения отпустили,

что мои альтер-эго не так уж огнеопасны.
Как сказать обо всем и сразу в одной личине?
Как их всех отпустить, когда это так прекрасно —
я мужчину могу понять, обретаясь в мужчине?

Я могу быть вдовой, преступником и ребёнком,
не закончив ни театралки, ни МХАТа, к счастью.
Эквалайзер не подстрижешь под одну гребенку.
Плюс на минус дает звезду путеводной масти.

Право голоса, как известно, давно в кавычках.
Но кто нам запрещает право многоголосья?

Мы идем на чистейший свет по дурной привычке.
И за нами смыкается прошлое,
как колосья.

СИНИЙ ЦВЕТ

Я — синий цвет.
Я — небо. Я — вода.
Восток, платочек, птица Метерлинка,
упавшая на платице былинка.
Я — то, чего Ты ждал.
Иди сюда.

Я — иконопись,
уайльдовский чулок,
авантюрин,
забвение и память!
Я — тень, что опадает на чело,
я — поцелуй
бескровными
губами!

Я — блюз, циан,
берлинская лазурь,
осенние есенинские строки!
Я — сон.
Я — ни в одном Твоём глазу.
Я — взгляд
в Тебя,
недремлющий и строгий.

Я — алкоголь,
во мне процентов — сто,
испей Меня
и окажись со Мною!
Я в наэлектризованном пальто
исполнена
немой
голубизною!

Я — море,
я взволнована, заметь!
Я — холст слепого импрессиониста!
Я — лёд в бокале,
пламень

и синистер!
Еще не жизнь, но и уже не смерть.

Я — бирюза,
сапфир,
аквамарин,
я — медный купорос, кобальт, индиго!
Височной жилкой бьющаяся дико!
Смотри в Меня!

Смотри в Меня!

Смотри!

Я самым синим пламенем горю —
на мне горят
Твои прикосновенья.

Прошу Тебя,
останови
мгновенье! —

— ...Я из Тебя
Бессмертье
сотворю.

СНЕГ

*московской квартире на Измайловской
и страху, который там*

перебираю ворох бумаг, вещей, на
коих лежит печать прошлогодней пыли
это — мои мертвецы, и они — священные
как минимум тем,
что азбучно жили-были

эта открытка — аж из владивостока
этот конверт летел из калининграда

в чем смысл письма, если оно жестоко
тем, что спустя полгода
уже — неправда?
в чем суть флакона, если духи в нем — духи,
в чем соль еды,
если она без соли?

что восстает под пальцами из разрухи
на пепелище сломанной антресоли?

я,
из вещей
веща самой себе же
страшные сказки о прошлогоднем некто
воздух заходит в комнату стыл и бежев,
напоминая
о возвращеньи снега

снег подрисован рядом из ниоткуда
и засыпает кладбище шесть на девять
я ничего не хочу,
ничего не буду
я ничего не могу с этим снегом сделать

найлены силы запаковать обратно
письма, тетрадки, старенькую мобилу
пусть они — ложь,

но для меня-то — правда!
запаковать обратно, зарыть в могилы

снег отступил на трех хромоватых лапах
стукнул сентябрь на циферблате неба

у крови, былого и снега — единый запах

я больше не сплю.
я жду возвращенья снега.

ПЕРВОЕ ОСЕННЕЕ ПИСЬМО ДЛЯ

Прожить двадцать лет — и не видеть родимого города.
Бродить в одиночку. С собой разговаривать матерно.
За воздух держась как за ручку. Ведь мы же не гордые.
Мы можем прожить до полтинника дома и с матерью,
где пёс громко лает в прихожей, и кушать нам подано.
Но всё же есть смысл обратиться к другой хрестоматии.

Ведь я не таков. Я уже говорил это ранее.
Мне хочется петь, только без адресата нет голоса.
И сердце стучит — на кого-то, по-прежнему крайнего,
и вновь ерундовину пишут газетные полосы.
...Идущая в гости к кому-то не знает заранее,
насколько близки скоро станут глаза, губы, волосы

хозяина дома, который, возможно, не ждал её,
но вскоре научится ждать. У меня — получается.
Вложить двадцать чёртовых лет! — в поезда запозда-
лые,
а после спросить, отчего ж мое сердце печалится?
Мы городу смотрим в глаза изумленно-усталые,
и чувство крепчает пуэром в фарфоровой чайнице.

В сгоревшем театре опять поднимается занавес
над тайной, что зрителям всем раскрывать я не вынужден.
С подачи твоей Петербург открывается заново.
Он в цвете, он в самом цвету. Значит — стоило, видишь
ты? —
прожить двадцать лет, чтобы сердце, которое замерло,
забыло кого-то семь раз, чтобы вспомнить — единожды.

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

Вы не рады мне.
Будто я — террористка с бомбой
и подброшу ее Вам в сумку, что на плече.
Или с ног собью
хитромудрым японским комбо.
Потому что я в шапке,
как у Команданте Че.

Я гораздо хуже
всяких там террористок.
Я готовлю Вам лично атомную войну.
Мои люди
под видом скромненьких интуристок
пробираются в Вами созданную страну.

Вот сидите Вы, милый,
в какой-то из Чайных Ложек,
Идеальной Чашке ли, Кофешопе, — в кафе, короче.
Мои люди отрапортуют мне и доложат,
с кем Вы ели,
о чем беседовали
и прочем.

Вот Вы курите у окна,
а на Вас направлены
пара точных прицелов видеофоторужей.
А могло быть иначе.
Я знаю, что так неправильно.
Я котом Леопольдом Вам предложу жить дружно,

наши руки — для наших рук, а не взвода кольта.
И борщи я готовлю вкусно. И суп с грибами.
Вы же сами на нее вздернули Леопольда,
натянув его кожуру на
японские барабаны.

Оттого я ношу в кармане стихов гранаты
и на воздух весь мир заставить взлететь готова —
так, что нервно закурит крепкую даже НАТО.

Я Вам честь отдаю,
как корабль отдает швартовы.

Дорогой, у меня есть связи в любом отделе
и подкуплены крепко
все городские копы.
Все равно я молчу
и рою свои туннели,
и взрывчаткой любви закладываю подкопы.

Я готовлюсь к войне. И кровью пишу на белом
полотне со старославянским ятем:
«Господи́нь, объявленный парабеллумъ
призывает Вас сдаться
на милость моих объятий».

Я могла бы накрыть Вас пледом, но раз Вы против,
я накрою Вас зарифмованным мной цунами.
Я устала от этих черте каких пародий.
Мы могли бы уже раз тысячу
зваться
Нами.

Вы не рады мне,
мой любимый. Да и с чего бы?
Я сегодня стреляла в стены напропалую.
Раз выходите в одиночку — глядите в оба.
У меня слишком взрывоопасные
поцелуи.

Вот Вы спите, и тьма густая, пододеяльная
жадет новых
инициированных сближений.
Моя война за взаимность Вашу уже объявлена.
Ни один из Львов
не создан
для поражений.

2013